

ПОЭЗИЯ

*Филипп Пираев*



48

# Мой ТИХИЙ СВЕТ

## Озеро Кабан

Мы будем не раз вспоминать  
нам встречу пославшее лето  
и шумных туристов, монеты  
бросавших в озёрную гладь.

Нас будет привычно тянуть  
на радужный берег Кабана –  
туда, где аккордом фонтанным  
надежды врываются в грудь;

где, синюю обветрив лицо,  
бредёт рыжий август по волнам  
и солнце мячом баскетбольным  
упруго звенит над Кольцом.

Мы будем пытаться не раз  
за радости, бывшие с нами,  
воздать мирозданию стихами,  
вплывая на вёслах в тот час,

когда, вдохновеньем объят,  
лучами багрового света  
на гулкой струне минарета  
играет зеркальный закат.

Нам слышаться будет тогда  
сквозь веющий звёздами вечер,  
как шепчет на древнем наречье  
зелёную тайну вода.

И, вспомнив былинный сюжет,  
мы снова поверим, как дети,  
что в старой наивной примете  
ни капельки вымысла нет.

А значит, о том и кричат  
хранящие озеро птицы,  
что, стало быть, хан возвратится,  
раз кинул в него целый клад.

## Лядской сад

Эта сказка средь людской канители  
вся на быль поделена без остатка –  
здесь так весело, под сосен гуденье,  
с привиденьями играется в прятки.

Вон одно из них дрожит за кустами,  
под цилиндром пряча ум богатырский.  
Церемонии, пожалуй, оставим:  
я узнал тебя, тук-тук, Боратынский!

Глянь, подруга, в грот берёзовых буклей  
скрылись двое – от прохожих подальше.  
Тот, с мольбертом на плече, не Бурлюк ли,  
а другой, со скрипкой, верно, Сайдашев.

Кто крадётся там пружинистым шагом  
в такт сиреневым волнам саксофонов? –  
не иначе, наш роскошный стилига:  
выходи давай, ты водишь, Аксёнов.

Мы пройдем меж пар прозрачных влюблённых,  
мимо клумбы, сны читающей на ночь,  
и у памятника спрячемся, в клёнах:  
не подсказывай, Гаврила Романыч!

Что бесследно исчезает всё – враки.  
Видишь, свет уже зажётся в окошках,  
и как будто чьи-то руки из мрака,  
извиваясь, к нам ползут по дорожкам.

Не пугайся их, родная, не надо –  
это душ и лет ушедших сплетенье;  
это просто память старого сада  
превращает нас в такие же тени.

50

## Башня Сююмбеки

Сакральных мыслеформ земная участь –  
послушно зову Млечного Пути  
холмом координат над веком вспучась,  
периметром легенды обрасти.

Гляди, как вечер над Казанью матов  
и башенным стило пропет насквозь –  
се внука вавилонских зиккуратов  
мирскую набекренивает ось.

А в миг, когда, вздохнув, засеребрится  
на воске ночи звёздный шамаиль,  
в Итиль уронит пёрышко царица,  
крючком луны удерживая шпиль.

И летописно подтвердят зарницы  
времен, вздымавших долы на дыбы,  
что и пригнувшись можно не склониться  
пред грозным(и) секирами судьбы.

\* \* \*

1

То ли день, то ли ночь, то ли дым, то ли снег.  
Город кроет листвою протёкшее днище.  
Светофоры на красном застыли навек,  
ветер в куртке озябшей дворянкою рыщет.

На душе сухой да вороной скандал –  
то ли осень виной, то ль года и заботы.  
Я сегодня звонить тебе снова не стал...  
И ещё целый месяц до солнцеворота.

Флажолеты капли с утра за окном,  
и весь день – флажолеты капли.  
И заходится сердце в восторге хмельном  
оттого, что ручьи зазвенели.

И бунтует оно, и готово, как плот,  
снова ринуться в бурные струи,  
и всю ночь поцелуи горячие шлёт,  
до утра – тебе шлёт поцелуи.

\* \* \*

Ю. Д.

Мой тихий свет, не думай ни о чём,  
оставь печали, бденья и метанья  
тому, кто добровольно обречён  
терзаться расшифровкой мироздания.  
К чему тебе рубцы его забот,  
кошмары цифр и эшафоты истин? –  
и без того душа твоя цветёт  
всеведением, прощающим и чистым.  
Пусть, запряжённый перекинуть мост  
меж небом и его анонсом в лужах,  
он ищет принести букеты звёзд,  
тебе, лучистой, в общем-то не нужных.  
Свети спокойно, улыбаясь в путь,  
терпи и жди без страха и укора,  
чтоб тот, кто призван мир перевернуть,  
был осчастливлен точкою опоры;  
чтоб в час, когда поэму бытия  
удастся без запинки мне ответить,  
я понял вдруг, что истина моя –  
в тебе одной, единственной на свете.

\* \* \*

Полночный ветер прян и свеж.  
Вплывая в грот окна,  
стихи в мечтательный падеж  
возводит тишина.  
В нарвала лунного двойной  
гарпун вонзивший, взгляд  
не в силах ни продолжить бой,  
ни обрубить канат.  
Тенями сказочный спектакль  
играя на стекле,

дрожат берёзы, шторам в такт,  
и, чуть навеселе,  
качаясь, слышат фонари,  
как вьёт виолончель  
из сновидений попури  
и шепчет книгочей.  
И нет ни тела у души,  
ни памяти, ни дна,  
а только ночь да миражи,  
да ветер из окна.

\* \* \*

52

Жаль, что редко снятся такие добрые сны.  
В них тепло лаваша и марш акации свадебный,  
и все лица друзей – ангельской белизны,  
а вдали, над церквями, плывут голубые громадины.

И не веришь глазам, и не в силах понять, увя,  
то ль блаженная явь, то ль игра сознания странная –  
тот старинный балкон, в витражах душистой листвы,  
на который равняла компас ось мироздания;

где сходились года в осиянный гитарою круг,  
и до утренних птах, вприкуску с шутками, истово  
мы о будущем спорили и целовали подруг,  
постигая земной любви небесные истины.

В этих снах виноград, звонкий юным вином,  
что из щедрых сердец брызнет стихами страстными,  
и такой покой – будто вечный июнь за окном  
и никто вовек не уйдёт в безвозвратное странствие.

\* \* \*

Я изучал закрытые науки –  
читал по звёздам, лицам и рукам.  
Суровый поп грозил мне вечной мукой,  
и атеист в безумье упрекал.

Но видел я, смывая понемногу  
с великой тайны шарлатанский грим,  
что примирить её они не могут  
ни с верой, ни с безверием своим.

И пусть у Бога странные манеры,  
но истины печальней в мире нет:  
слепое знание – плод нехватки веры;  
слепая вера – корень многих бед.

## Полночное кино

ВНИМАНИЕ, МОТОР! Тоской доведена  
до полного к любой опасности презренья,  
походкою хмельной вступает в кадр Луна,  
чтоб не упасть с небес хватаясь за деревья.

Вдруг раздаётся крик: от горизонта мчась  
на мечущей грома огромной чёрной туче,  
весь в латах и шипах, спешит Полночный Князь,  
не склонный упускать представившийся случай.

Злодей и чародей, владетельный мрак-граф,  
привстав на стремях и щурясь воровато,  
аркан кидает он и пленницу, связав,  
везёт скорей домой, в свой горный замок... СНЯТО!

М-да, героиню жаль, судьба её горька –  
не видно, кто бы мог явиться на подмогу:  
безмолвствуют леса, в полях ни огонька,  
и даже трубы спят и не дымят тревогу.

Но где он, где – герой? Неужто сценарист  
уснул там, у окна, и даст в обиду даму?  
Вот Ветер прилетел, изящен, серебрист,  
вот вызов бросил он. Сближение!.. РЕКЛАМА...

.....  
Ну, наконец-то – бой! Сверкает булава.  
В ответ мелькает меч – герою страх неведом.  
Удар, ещё удар... СТОП! ПЛОХО. ДУБЛЬ-ДВА.  
Удар, ещё удар... и враг бежит – победа!

Ах, Ветру бы Луна всю нежность отдала,  
да только вот беда: строптив и ветрен слишком –  
в полуденных морях, забыв про все дела,  
гоняет корабли, как голубей мальчишки.

Беспечный поцелуй, руки прощальный взмах –  
и снова вот она, постылая свобода.  
НАЕЗД И КРУПНЫЙ ПЛАН: лицо Луны в слезах –  
ну сколько ей одной бродить по небосводу!

Окончено кино. Меж нами говоря,  
конечно, стар, как мир, сюжет его нехитрый.  
Запели петухи, включается заря,  
и рукопись в глазах плывёт, как будто ТИТРЫ...

\* \* \*

Дмитрию Гагуа

А может, это просто павший лист,  
и нет в нём ни печали, ни намёка,  
и дух, как прежде, молод и плечист,  
а впереди прекрасное далёко,  
и можно рассыпать горстями дни,  
себя не оправдавшие строкою,  
и засыпать с намереньем одним,  
а просыпаться, так и быть, с другою...

54

Но только – будто некий лиходей  
за счастье бытия утроил плату –  
в победном шаге выросших детей  
слышной мемента мори циферблата;  
но только именная звезда  
целует всё бессонней и прощальней,  
и, уплывая в зимы, поезда  
привычных не курлычут обещаний.

Хлебнувшим нигилизма и разлук,  
познавшим, как всеильны ржа и плесень,  
не в то ль нам остаётся верить, друг,  
что души вековечней наших песен?  
Что в шифрах лиц продумав каждый штрих  
и публикуя на ладонях знаки,  
о новых встречах в небесах иных  
глаголет архитектор Зодиака;

что для того сплетает листопад  
мосты, фонтаны и тот самый дворик,  
чтоб всё простилось тем, кто виноват,  
и не судили те, кто был нам дорог;  
что, отстегнув полтинник серебром,  
негоже ждать от жизни медной сдачи,  
а мир стоит любовью и добром,  
растущими, как числа Фибоначчи.

